

УДК 947+908

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-50-63

EDN: QQKUYR

Научная статья / Original article

МИЛИЦИОНЕР, ПОЛИТРАБОТНИК, ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ: К БИОГРАФИИ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ВЕРЕМЕЯ (1903—1991)

А. В. Сушко

Омский государственный технический университет, г. Омск

На основе комплекса неопубликованных источников, выявленных автором статьи в фондах Исторического архива Омской области и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, реконструируется жизненный путь советского писателя и общественного деятеля, милиционера и участника Великой Отечественной войны Сергея Ивановича Веремея. В качестве методологической основы исследования использован антропологический подход к истории и биографический метод. Выделяются этапы биографии героя и анализируются особенности его адаптации к социальным катаклизмам 1910—1940-х гг. Оценивается вклад Веремея в культуру Омского региона.

Ключевые слова: социальная адаптация, военная антропология, правоохранительные органы, советские писатели, Русская революция, Гражданская война в России, Великая Отечественная война, Омск.

Для цитирования: Сушко А. В. Милиционер, политработник, писатель и общественный деятель: к биографии Сергея Ивановича Веремея (1903—1991) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 3. С. 50—63. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-50-63. EDN: QQKUYR.

© Сушко А. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

POLICEMAN, POLITICAL WORKER, WRITER AND PUBLIC FIGURE: ON THE BIOGRAPHY OF SERGEI IVANOVICH VEREMEY (1903—1991)

A. V. Sushko

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

The article reconstructs the life path of the Soviet writer and public figure, policeman and participant in the Great Patriotic War Sergei Ivanovich Veremey by a set of unpublished sources identified by the author of the article in the funds of the Historical Archive of the Omsk Region and the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The anthropological approach to history and the biographical method are used as the methodological basis. The stages of the hero's biography are highlighted and the features of his adaptation to the social cataclysms of the 1910—1940s are analyzed. The contribution of Sergei Ivanovich Veremey to the culture of the Omsk region is assessed.

Keywords: social adaptation, military anthropology, law enforcement agencies, Soviet writers, Russian Revolution, Civil War in Russia, Great Patriotic War, Omsk.

For citation: Sushko A. V. Policeman, political worker, writer and public figure: on the biography of Sergei Ivanovich Veremey (1903—1991). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 3. P. 50—63. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-50-63. EDN: QQKUYR.

© Sushko A. V., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Благодаря своей активной общественной, журналистской и литературной деятельности Сергей Иванович Веремей (1903–1991) является одним из самых известных омичей — участников Великой Отечественной войны. Ему посвящены статьи в энциклопедических краеведческих изданиях и отдельные биографические исследовательские работы, написанные омскими архивистами и краеведами [1–4]. Характеристикой всех публикаций о ветеране является краткий перечень биографических сведений без углубленного изучения этапов биографии. В итоге омские биографы С. И. Веремея коллективными усилиями создали идеальный образ человека, не знавшего жизненных невзгод, который, конечно же, не вполне соответствует действительности. Стоит сказать, что в целом история Омского региона овеяна многочисленными неверными представлениями, укоренившимися в массовом сознании, что создает сложности в общей репрезентации прошлого. Это дополнительно актуализирует необходимость данного исследования [5].

Цель статьи — реконструировать биографию С. И. Веремея, выделив в ней основные этапы, и охарактеризовать их.

В биографии С. И. Веремея, исходя из его профессиональной и общественной деятельности, мы выделяем пять этапов:

1. Детство и юность (1903–1919).
2. Служба в советской милиции (1920–1934).
3. Профсоюзная и преподавательская работа (1935–1941).
4. Служба в РККА и Советской армии, участие в Великой Отечественной войне (1941–1953).
5. Пенсия, работа корреспондентом и активная общественная деятельность (1953–1991).

Детство и юность

Родился Сергей Иванович 20 октября 1903 г. в семье крестьянина-середняка. В своих автобиографиях, сохранившихся в партийных и военных личных делах, он писал о рождении в селе Ижа Ижской волости Вилейского уезда Вилейской губернии. Сейчас это агрогородок в Вилейском районе Минской области Белоруссии, административный центр Ижского сельсовета.

Сергей Иванович подробно описал в одной из сохранившихся автобиографий:

«Отец мой вначале работал в хозяйстве своего отца и ходил на сезонные работы по выкатке бревен из реки. На этой работе он получил грыжу. Будучи неспособным к физическому труду, он начал выходить в «служивые люди», превращаясь в деревенского интеллигента и поступил переписчиком в волостное правление. Мать моя из семьи рабочего-плотника. Ввиду многосемейности и крайней бедности она с детства ходила на поденные работы и осталась совершенно неграмотной. В 1910 году, отец оставил семью в селе Ижа, уехал в Сибирь и поступил сельским писарем в село Рыбное на Ангаре, бывшей Енисейской губернии. Через год я из Виленской губернии с матерью приехал к отцу. Поступил учиться и в 1914 году окончил церковно-приходскую школу. Отец хотел, чтобы я учился на попа, и в 1914 году привез в Красноярск с целью устроить меня учиться в духовном училище. Не знаю, по какой причине. Это ему не удалось. В этот момент открывалось в Красноярске Реальное училище. Прием учеников открылся с опозданием, так как начавшаяся империалистическая война от-

тягивала решение городских властей об открытии этого училища. Отцу удалось устроить меня в него. Он оставил меня в общежитии, а сам уехал обратно, в село Рыбное. В 1916 году, после того, как я уже проучился два года, отец переехал в Красноярск и поступил в земельное управление делопроизводителем. Первые два года я учился за плату. Отец служил писарем и занимался охотой на пушного зверя; мать держала корову, куриц, огород, продавала продукты. Кроме того, мать готовила обеды для политических ссыльных и держала нахлебников. Таким образом, средства на учение родители находили. А с 1916 года учился бесплатно. В конце 1916 г. отец перешел на службу в Красноярскую тюрьму на должность делопроизводителя.

Со вступлением Колчаковской реакции отец проявил себя активным эсером, бросил семью и уехал в другой город — Канск. Я до весны 1918 года учился, а на лето поступил чернорабочим в тюремный огород. Мать работала поденно. Осенью 1918 года я продолжал учиться, находясь на иждивении матери. В мае 1919 года мать получила сведения из Канска о том, что отец уничтожен партизанским движением. Позднее, когда было свергнуто правительство Колчака, мне участники партизанского движения рассказывали, как был уничтожен мой отец. Он служил начальником районной милиции и жил с учительницей в школе села Больше-Уринского, там же находился и отряд милиционеров. Красные партизаны подкрались ночью к школе и забросали окна гранатами. С 14 лет я начал жить самостоятельно» [6, л. 9].

Последнее предложение было очень важно для советских реалий эпохи сталинизма. Служба отца в колчаковской милиции, в сельской местности, выполнявшей по отношению к антиколчаковски настроенному крестьянству карательную функцию, могла поставить крест на карьере С. И. Веремея и впоследствии даже стать причиной для попадания в жернова политических репрессий в качестве сына «бывшего человека». Поэтому, для успешной социализации в советском обществе, на протяжении всей своей жизни Сергей Иванович отмежевался от своего отца и старался «забыть» о его службе у Колчака. В его послужном списке, хранящемся в личном деле офицера Советской армии, об отце говорилось лаконично «служащий, делопроизводитель — убит в 1919 г.» [7, л. 2]. После ухода из семьи отца мать вскоре сошлась с другим мужчиной — Августом Лукичом Шуляковским [7, л. 2]. Его С. И. Веремей указывал в своих анкетах в качестве отчима и в автобиографии подчеркивал отсутствие у него связи с отцом, «с момента ухода отца я находился на иждивении отчима-садовника, который умер в 1927 г. от туберкулеза горла» [7, л. 12].

В условиях эскалации Гражданской войны в России юный Веремей старался заработать на жизнь. Этот период своей жизни в автобиографии 1919 г. он описывает так:

«После окончания учебного года, в 1919 году, я поступил на табачную фабрику «Сокол», работал рубщиком. Через месяц фабрику закрыли из-за отсутствия сырья. Я тогда поступил чернорабочим в слесарный цех Чугунно-литейного завода. Не проработав месяца был уволен по сокращению штата. Несколько дней ходил без всякой работы. В это время мать мою посещал прежний друг отца эсер Широков Михаил, который настоятельно советовал мне бросить черную работу и перейти на службу в какое-нибудь учреждение. Тогда мне было 15 лет.

Вскоре такую службу он мне нашел, и я поступил рассыльным в 1-е отделение городской милиции. Полтора месяца я разносил по домовладениям окладные листы /налоговые/. Заболел тифом. После выздоровления /в конце октября/ меня обратно в милицию на службу не приняли. Я тогда занялся литьем из гипса разных комнатных украшений и продавал их. Делал для продажи и конверты» [6, л. 10].

Здесь важно отметить, что формально, до заболевания тифом, Сергей Иванович полтора месяца прослужил в колчаковской милиции, что в СССР могло закрыть для молодого человека многие двери. Позднее об этом эпизоде своей биографии наш герой предпочтет «забыть», и в его армейском личном деле советского политработника он уже просто не будет упомянут.

В общем, с учетом судьбы отца и собственной, Сергей Иванович был обязан всячески демонстрировать идеологическую приверженность учению Ленина—Сталина и подтверждать ее своим поведением. В ином случае его выживание в советских реалиях 1920—начала 1950-х гг. было бы крайне проблематичным.

Служба в советской милиции (1920—1934)

После победы Красной армии над белогвардейцами в 1920 г. начинается чрезвычайно насыщенный событиями, судьбоносный «милицейский этап» жизни С. И. Веремея.

Его начало он описывал так:

«В ночь на 31 декабря в военном городке произошло восстание местного полка. В городе произошел переворот, власть Колчака пала. В город с запада потянулись обозы белогвардейской армии, которую теснила Красная армия. 5 и 6 января белогвардейские части приблизились к городу и начали пулеметную стрельбу. Повстанческий полк и отряды рабочих железнодорожных мастерских ответили белогвардейцам артиллерийским залпом. Белогвардейцы город обошли стороной. Обозы же продолжали бесконечной вереницей тянуться в город. Я с группой товарищей /Миков Иван, Бабанский Евгений, Бердов Костя, Дмитриев Сергей и др./ организовали отряд по сбору оружия, которое разбрасывали белогвардейские обозники. Помимо оружия мы собирали пишущие машинки, денежные шкатулки, и все доставляли в интендантство, расположенное около тюрьмы. 8 января в Красноярск вступила Красная армия. А я после этого через 4 дня пошел в милицию и попросился на службу. День — 13 января был первым днем организации Советской рабоче-крестьянской милиции в Красноярске и с этого же числа меня зачислили на должность рассыльного 1-го отделения милиции. Через месяц я организовал из молодежи служащих дома лишения свободы комсомольскую ячейку и был избран Председателем ее. Одновременно с моим поступлением в Милицию /13/1-20 г./» [6, л. 10].

Служба в советской милиции, начинавшаяся для юноши с должности рассыльного, в период с 1920 по 1934 гг. проходила на разных должностях в Красноярске, Ачинске, Омске. В 1920-х гг. на территории Сибири, где широко был распространен политический и уголовный бандитизм, она была крайне опасна. В своей автобиографии наш герой с долей гордости подчеркивал, что «будучи шестнадцатилетним, я участвовал в операциях по ликвидации пригородного бандитизма, неоднократно участвовал в засадах и облавах» [6, л. 10].

На милицейский этап жизни С. И. Веремея приходится его брак с Ниной Николаевной Веремей (в девичестве Колчановой), родившейся в 1908 г. в городе Енисейске. В браке были рождены три дочери (Веремей Людмила Сергеевна 1926 г.р., Веремей Маргарита Сергеевна 1928 г.р., Веремей Елена Сергеевна 1932 г.р.) [7, л. 2], Энергичные усилия Сергея Ивановича по обеспечению материального достатка семьи, прилагаемые на протяжении всей трудовой деятельности, подчас вызывали у завистников негодование и различные беспочвенные обвинения.

Милицейская карьера С. И. Веремея была успешной: сентябрь 1921—январь 1930 г., начальник милиции, начальник уголовного розыска г. Красноярск; январь 1930—август 1930 г., начальник оперативно-секретной части окружного уголовного розыска г. Ачинск; август 1930—декабрь 1934 г., курсант, преподаватель школы НКВД № 2, Омск [8, л. 1 об.]. Оперативная работа научила Сергея Ивановича устанавливать контакты и поддерживать отношения с разными людьми. Это умение пригодилось ему в дальнейшем на профсоюзной работе, службе в РККА на должностях политработника, в работе корреспондента.

Обязательным условием продвижения по службе в советской милиции было членство в комсомоле и партии. В 1920 г. Сергей Иванович вступил в комсомол. В 1926 г. он был уже принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1928 г. стал членом партии. В этом же году он пережил первый удар судьбы, который будет иметь неприятные последствия на протяжении 1928—1934 гг. Он был связан с неосмотрительно подписанной рекомендацией бывшему белогвардейцу. В своей автобиографии Сергей Иванович описал эти неприятные для него события так:

«Работая Начальником активно-секретной части, у меня в агентурной сети работал один работник инвалидной кооперации, который через инспектора секретной части попросил справку о благонадежности. Такую справку я подписал. Потом оказалось, что этот «благонадежный» был белогвардейцем. К этому времени один член партии Макаров написал в нашу парторганизацию на меня заявление о том, что я женат на дочери лишенца. Во время разбора заявления на заседании бюро ячейки я не сумел доказать нечуждость тестя. К тому же я сам сообщил о справке, выданной мною белогвардейцу. Представитель райкома, присутствовавший на заседании, пришел с анкетой, заполненной мною при вступлении в кандидаты. Он потребовал от меня рассказать свою автобиографию. После автобиографии представитель райкома обвинил меня, что я сокрыл в анкете службу в колчаковской милиции и что об отце указал одно слово «служащий», в то время как отец был эсером и уничтожен партизанским движением. В анкете графа «трудовой деятельности» требовала указать службу продолжительностью не менее года. Я же служил в колчаковской милиции полтора месяца в возрасте 14—15 лет. Фактически же я правильно сделал, что не указал также о кратковременной работе на заводе, на табачной фабрике и др., но о службе в колчаковской милиции указать обязан был и подробно об отце. Этого я не сделал. Моя жизнь была известна большей части населения города, меня вообще в Красноярске знали хорошо, к моменту разбора моего дела я прожил в Красноярске 14 лет, из них 5 лет учился и 9 лет служил в милиции и уголовном розыске. Бюро ячейки вынесло мне выговор,

сделав такую мотивировку: «за связь с чуждым элементом». Общее собрание и райком партии выговор утвердили. После этого я продолжал исполнять обязанности Начальника Окружного Уголовного Розыска. Был внештатным инструктором Райкома ВКП/б/, выполнял ряд ответственных поручений. В июне 1929 г. проходила чистка партии. В зрительном зале милицейского клуба при заполненной аудитории я проходил проверку. Первичная комиссия вынесла мне строгий выговор, и в учетной карточке было записано: за скрытие службы в колчаковской милиции, сведений об отце, за связь с чуждым элементом, за идеологическую неустойчивость». Через некоторое время Окружная комиссия по чистке партии предложила провести повторную чистку нашей организации. Повторную проверку я проходил в городском клубе «Красный Октябрь» в присутствии большого количества рабочих и служащих города. Строгий выговор с той мотивировкой мне был подтвержден. Одновременно шла чистка советского аппарата. В клубе Лесозавода я проходил эту чистку. За работу по борьбе с преступностью я упреков не имел /за всю службу в органах Милиции и Уголовного Розыска, т.е. за 14 лет я не имею ни одного дисциплинарного взыскания/. Заключение комиссии было такое: «считать проверенным» [6, л. 11].

Награждение в ноябре 1929 г. на торжественном заседании Окрисполкома за долголетнюю и безупречную службу в Милиции и Уголовном Розыске грамотой и серебряным знаком, как тогда казалось Веремею, свидетельствовало о завершении неприятностей по партийной линии. Тем более что в это время Сергей Иванович был привлечен к борьбе с активизировавшимся тогда в сибирской деревне политическим бандитизмом, вызванным сплошной коллективизацией. Эту свою деятельность в 1929—1930 гг. он описал следующим образом:

«В 1929 году уголовный элемент оживил свою деятельность. Скрывавшиеся бандиты возвращались в деревни, объединялись с кулачеством и организовывали банды. Находясь в командировке по округу по борьбе с уголовным и политическим бандитизмом, я был захвачен крупным кулацким вооруженным выступлением в Балахтинском и Новоселовском районах. Мятежом руководил кулак Гудович и деревенские купцы. Приказом окружной чрезвычайной тройки по борьбе с кулацкими бандами я был назначен начальником коммунистических отрядов Балахтинского и Новоселовского районов. В течение 5-ти дней основное ядро банды с ее руководителями было ликвидировано. Вернувшись в Красноярск 21 января 1930 года, я был откомандирован в распоряжение Сибкрайадотдела. 6-го февраля 1930 года был назначен Начальником активно-секретной части Ачинского Уголовного Розыска. Ачинский округ был поражен кулацкими бандитами. После проведения мной выселения кулачества из районного села Тисуль я органами ГПУ был переброшен на ликвидацию кулацких банд, совершавших массовые террористические акты и налеты на госуд., кооперативные организации. В столкновении с оперативными отрядами Милиции и рабочих-коммунистов кулаки оказывали вооруженное сопротивление, часто причиняя жертвы. Со взводом войск ГПУ и отрядом милиционеров я вел ликвидацию контрреволюционного движения в районе села Еловского. Преследуя банду, я лично убил главаря бандитских формирований — вооруженного бандита Акимова. За время работы в Ачинском округе вел беспощадную борьбу с вра-

гами Советской власти, физически их уничтожая в немалочисленном количестве» [6, л. 11].

После успешного выполнения задачи по борьбе с бандитизмом С. И. Веремей был направлен на учебу в омскую школу НКВД, где после завершения обучения был оставлен на преподавательской работе. Необходимо отметить, что тенденцией всесоюзного масштаба в 1920-х гг. была чрезвычайно высокая текучесть кадров. В то время средняя продолжительность службы в милиции по различным губерниям составляла всего 1 год 4 месяца [9, с. 91]. Поэтому перевод Сергея Ивановича в Омск на преподавательскую работу в школу НКВД после ее окончания, состоявшийся в 1931 г., был закономерен. Он имел более 10 лет службы на разных милицейских должностях и по меркам того времени считался крайне опытным, ценным специалистом, которому было чему учить молодежь. Будучи курсантом школы НКВД, осенью 1930 г. С. И. Веремей участвовал в отряде по ликвидации кулацкой банды в Саргатском районе Омского округа. Для учебы в милицейские учебные заведения направлялись только сотрудники, являвшиеся членами ВКП(б) и не имевшие нерешенных проблем по партийной линии. Это значило, что наш герой успешно прошел сквозь партийное сито, продолжив свою милицейскую карьеру.

Несмотря на доказанную делами преданность партии, в Омске у Сергея Ивановича вновь начались неприятности по партийной линии. Новые перипетии на «милицейском» этапе своей жизни в Омске он описывал так:

«В 1931 г. парторганизация школы милиции снова возбудила против меня дело, как против чуждого. По мотивам тем же, какие были указаны в учетной карточке, т.е. за скрытие службы в колчаковской милиции, связь с чуждым элементом и т. д. меня исключили из партии и из школы. Краевая Контрольная Комиссия меня восстановила и направила в распоряжение Сибкрайадотдела. Сибкрайадотдел откомандировал меня опять в омскую Школу милиции для продолжения учебы. По окончании школы выпускной комиссией был назначен преподавателем уголовной тактики в этой же школе. В 1932 г. за долголетнюю и примерную службу в органах Милиции награжден часами. За успешное выполнение учебного плана премирован денежной наградой. В марте 1933 г. из школы и из рядов милиции был уволен, как не совсем «чистый» по автобиографии, другой причины не было.

Отделом кадров Омского горкома ВКП/б/ был направлен на работу в Топливный Трест. Трест назначил меня Директором Екатеринбургского Заготучастка /Тарский округ/. По настоянию Начальника Школы милиции, поддержанному Омским ГПУ, Горком ВКП/б/ меня отозвал и снова направил в распоряжение Начальника Школы милиции. Таким образом, через 4 месяца после увольнения, я снова был преподавателем уголовной тактики. Перед окончанием учебного года я с омской литературной группой был направлен на Всесоюзный съезд писателей в Москву. К этому времени партийная секция Школы милиции проходила чистку. Первичная комиссия меня, как чужого партии — исключила. Краевая комиссия по чистке решение об исключении отменила с таким постановлением: «Принимая во внимание, что за скрытие происхождения на Веремея наложено партвзыскание и учитывая активное участие в партийной и общественной жизни, хорошие отзывы о работе /не-

Рис. 1. С. И. Веремей —
чрезвычайный уполномоченный
Сибкрайисполкома по снабжению
Омской промышленности
и населения топливом. 1933 г.
Fig. 1. S. I. Veremey — extraordinary
commissioner of the Sibkrai Executive
Committee for supplying Omsk industry
and population with fuel. 1933

Рис. 2. С. И. Веремей на тренировке.
1927 г.
Fig. 2. S. I. Veremey in training. 1927

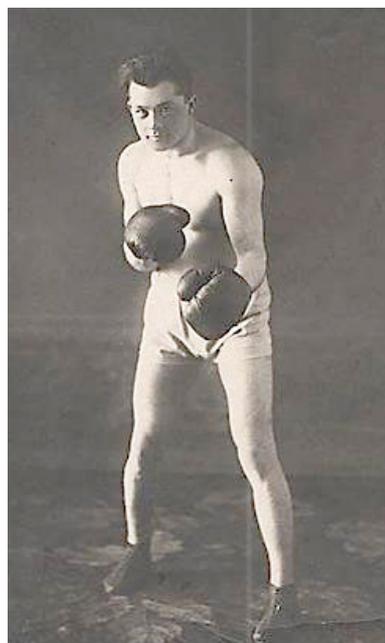

Рис. 3. С. И. Веремей — боксер. 1928 г.
Fig. 3. S. I. Veremey — boxer. 1928

однократно премирован за участие в ликвидации банд и работу/ искреннее признание допущенной ошибки...» [6, л. 12].

Учеба в ведомственном учебном заведении Омска, а затем и преподавательская деятельность в нем способствовали развитию писательских способностей Веремея, как оказалось, обладавшего определенным талантом и склонного к этому занятию. Необходимо отметить, что Сергей Иванович писал на разные актуальные тогда темы, а не только связанные с профессиональной деятельностью¹. В 1934 г. он был на Первом съезде советских писателей в качестве делегата и специального корреспондента газеты «Рабочий путь» (так тогда называлась газета «Омская правда»). Приехал он на съезд в милицмейской форме [10].

За время работы в органах милиции и уголовного розыска за борьбу с преступностью и безупречную службу Сергей Иванович награждался часами, оружием, серебряным знаком НКВД и др. [11, л. 4 об.]. Отметим, что именное оружие считалось тогда в милиции одной из самых почетных наград [9, с. 121]. Но, несмотря на высокий профессионализм и огромный, по меркам того времени, опыт милицмейской службы, из-за постоянного давления по партийной линии не смог больше проходить службу в системе органов НКВД.

Профсоюзная и преподавательская работа

Это был гражданский период жизни, когда Сергей Иванович был достаточно молодым, полным сил, разносторонне развитым человеком, имевшим при этом троих детей (рис. 1 [12]). Еще во время прохождения службы в милиции С. И. Веремей был активным физкультурником. Он был одним из зачинателей физкультурного движения в Сибири. В 1927–1929 гг. — чемпион Сибири и Дальнего Востока по боксу и легкой атлетике [10]. Сохранились фотографии, наглядно показывающие физическую подготовку нашего героя, достигавшего

значимых успехов в различных видах спорта (рис. 2–3 [13–14]). С 1935 г. Сергей Иванович ушел на профсоюзную работу, активно развивал и популяризировал физкультурное движение и занимался преподавательской и литературной деятельностью. В своей автобиографии он также отмечал, что в это время «начал заниматься самообразованием» [7, л. 12 об.].

Без учета постоянных подработок трудовая деятельность С. И. Веремея была следующей: январь 1935–май 1937 г. физкультурработник, Оргбюро ВЦСПС г. Омск; май 1937–июнь 1938 г. физкультурработник, сп.[спортивное] Общ-во «Пищевик» г. Омск; июнь 1938–сентябрь 1939 г. физкультурработник, О. ком. физк.² г. Омск; сентябрь 1939–июнь 1941 г. преподаватель основ марксизма-ле-

низма, Институт усовершенствования учителей, г. Омск [11, л. 3 об.]. На этом этапе своей жизни наш герой вошел в омскую историю в качестве одного из наиболее активных организаторов спортивного движения в регионе.

Профсоюзный этап жизни С. И. Веремея тоже не был гладким. В тот период его злоключения по партийной линии продолжились и едва не привели в жернова массовых политических репрессий. Неприятности начались из-за того, что муж его сестры Ф. М. Ткачев, перебравшийся в Омск с Дальнего Востока, был по рекомендации Сергея Ивановича устроен на профсоюзную работу. 7 августа органами НКВД зять нашего героя был арестован, и у него из-за этого вновь начались на службе проблемы по партийной линии, вызванные анонимками и именными заявлениями недоброжелателей в прессу и партийные органы. В одном из личных дел С. И. Веремея сохранилась такая негативированная анонимка «ВЕРЕМЕЮ НЕ МЕСТО БЫТЬ В ПАРТИИ», подписанная «Знающий». Ее содержание было следующим:

«ТОВАРИЩ РЕДАКТОР!

О Веремею С. И. писали не раз в газеты и в парт-организации о том, что он является сыном расстрелянного за выдачу партизан. О том, что жена его происхождения чуждого. Сам Веремей исключался из партии за связь с классовыми врагами, но его почему-то восстановили и за это объявили строгий выговор. Человек Веремей гаденький и случайный для большевистской партии.

У него есть зять по фамилии Ткачев, которого за службу у Колчака выгнали из партии и Дальне-Восточного флота. Удрав из ДВК, этот Ткачев приехал к Веремею, они с ним ведут большую дружбу. Веремей всячески пытается протащить его на физкультурную работу. Веремей рекомендует Ткачева в обком союза мукомолов, но члены партии помешали ему пробраться в этот союз. Тогда Веремей, вытаскивает Ткачева в союз мясохолодильной промышленности. Хотозей, председатель этого союза, принимает Ткачева на работу.

Теперь Ткачев арестован органами НКВД, а Веремея покровителя врага народа никто не привлекает к ответственности. Другим врагам народа не место в партии.

Поехал Веремей в колхоз «Опора Советов» уполномоченным на посевную и вместо того, чтобы помогать налаживать массовую работу, устроил свои шкурные дела, колхозники посеяли ему картошку. Вообще Веремей рвач, он и сейчас работает в трех местах и ничего не делает.

Глуха и нема парторганизация оргбюро ВЦСПС к Веремею, глух и нем к сигналам о Веремею Куйбышевский Райком ВКП/б/ и парторганизация хлеб-треста, где состоит, к несчастью, Веремей до сих пор.

Надеюсь, что вы можете разоблачить и сорвать маску с Веремея» [6, л. 5].

В данном опусе особо примечательно противоречившее здравому смыслу суждение автора о том, что «вообще Веремей рвач, он и сейчас работает в трех местах и ничего не делает». Сергей Иванович в то время имел на иждивении маму, супругу и трех дочерей. Естественно, как ответственный глава семьи, он много работал для того, чтобы содержать своих близких. Наверняка не упускал он и возможности обеспечить свою семью картофелем, что было в его жизненной ситуации вполне естественно. В то время анонимка могла при-

вести к аресту и расстрелу невинного человека. На С. И. Веремея же поступила не только она, но и близкое по смыслу заявление от некоего М. А. Шахнова в Куйбышевский райком ВКП(б) от 13 сентября 1937 г. [6, л. 6–8]. Благодаря этим двум кляузам не только карьера, но и жизнь Сергея Ивановича оказалась под угрозой.

Описываемая здесь жизненная ситуация в масштабах СССР, по сути, справедливо оценена в знаменитом суждении писателя Сергея Довлатова:

«Мы без конца проклинаям товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить; кто написал четыре миллиона доносов? (Эта цифра фигурировала в закрытых партийных документах) Дзержинский? Ежов? Абакумов с Ягодой?

Ничего подобного. Их написали простые советские люди. Означает ли это, что русские — нация доносчиков и стукачей? Ни в коем случае. Просто сказались тенденции исторического момента»³.

Благодаря развязанной завистниками травле, 25 сентября 1937 г. С. И. Веремей был исключен из рядов ВКП(б) с формулировкой «за притупление политической бдительности и за связь с врагом народа Ткачевым, арестованным органами НКВД» [6, л. 1]. В то время в СССР после этого часто следовало увольнение с работы, арест, заключение или расстрел. К счастью, судьба нашего героя оказалась иной.

В книге памяти жертв политических репрессий содержится такая информация об аресте Ф. М. Ткачева: «ТКАЧЁВ Федор Матвеевич. Родился в 1901 г. в с. Власовка Борисоглебского у. Тамбовской губ. Житель Омска. Русский, инструктор по физ. подготовке мяскокомбината. Арестован 4 августа 1937 г. 26 ноября 1937 г. УНКВД по Омской обл. дело по ст. 58-10 УК РСФСР прекращено за отсутствием состава преступления, из-под стражи освобожден. В соответствии с Законом РФ считается реабилитированным» [15, с. 101]. Без восстановления потерянного социального статуса С. И. Веремея и его семья не смогли бы нормально продолжать жизнь в советском обществе. В связи с освобождением родственника угроза ареста потеряла актуальность, и Веремей начал активную деятельность по восстановлению в рядах партии.

Борьба Сергея Ивановича за свое доброе имя в третий раз увенчалась успехом. На заседании Бюро Омского ГК ВКП(б), состоявшемся 4 января 1938 г., было принято следующее решение: «Вследствие того, что Веремей С. И. по этим же материалам два раза исключался из партии и был восстановлен и что дополнительных компрометирующих материалов нет, решение Куйбышевского РК ВКП/б/ от 28/X-37 г. отменить, ВЕРЕМЕЙ С. И. членом партии восстановить» [6, л. 15]. Это была важнейшая для нашего героя победа. Это третье по счету исключение из партии стало для него последним.

В своей автобиографии Сергей Иванович писал, что «в 1937 г. начал преподавать на различных профкурсах историю ВКП(б), а потом стал преподавателем основ марксизма-ленинизма в институте усовершенствования учителей» [7, л. 12 об.]. С сентября 1939 г. С. И. Веремей ушел с профсоюзной работы и занялся педагогической деятельностью, преподавая марксизм и ленинизм. Эта работа требовала соответствующего образования. Осознавая это и готовя себя к ней, в 1936 г. он поступил на вечернюю форму обучения исторического факультета Омского педагогического института. Но закончить образование Сергей Иванович

не успел из-за начала Великой Отечественной войны. Позднее он писал, что «в 1941 г. призван в армию. По этой причине не мог сдать госэкзамен» [7, л. 13]. Так, с трагического лета 1941 г., начался новый этап в жизни нашего героя.

**Служба в РККА и Советской армии,
 участие в Великой Отечественной войне**

Уже на второй день Великой Отечественной войны 23 июня С. И. Веремей добровольно явился в военкомат и был призван в ряды РККА.

В армии С. И. Веремей дослужился до подполковника. Приведем сведения о присвоении С. И. Веремею воинских званий:

1. Старший лейтенант — данных нет;
2. Капитан (27 октября 1942 г.);
3. Майор (16 октября 1943 г.);
4. Подполковник (28 апреля 1948 г.) [7, л. 1].

Послужной список армейского этапа биографии нашего героя был таким:

23 июня 1941 г. добровольно явился в Куйбышевский РВК г. Омска и был призван на военную службу;

июнь — сентябрь 1941 г. — в должности политрука, комиссара служил в мобилизационном пункте РВК в г. Омске;

сентябрь — декабрь 1941 г. — курсант курсов Начсостава в Новосибирске;

декабрь 1941 г. — февраль 1942 г. — командир стрелковой роты 732 стрелкового полка 235 стрелковой дивизии, г. Бердск, Северо-Западный фронт; февраль — май 1942 г. — начальник полковой школы в той же дивизии;

май — июль 1942 г. — заместитель командира батальона, командир батальона;

июль — ноябрь 1942 г. — комиссар батальона, агитатор;

сентябрь 1942 г. — декабрь 1945 г. — агитатор политотдела 53 армии 2 Украинского фронта;

декабрь 1945 г. — ноябрь 1946 г. — старший инструктор политотдела Управления Восточно-Сибирского военного округа;

ноябрь 1946 г. — январь 1949 г. — преподаватель социально-экономического цикла Омского авиаучилища летчиков;

апрель 1953 г. — май 1953 г. — старший преподаватель основ марксизма-ленинизма, доцент социально-экономического цикла Омского авиаучилища летчиков;

7 мая 1953 г. уволен из кадров Советской армии в запас по ст. 59 п. «А» (по возрасту) с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах [7, л. 4–5 об.].

Таким образом, Сергей Ивановича не сразу попал в действующую армию, начал службу в военкомате на должности политработника, потом был отправлен на учебу и стал командиром роты, а через некоторое время — батальона. Однако склонность и способности к партийно-политической работе взяли свое, и он большую часть войны пробыл на должностях политработника, героически воюя с врагом.

В октябре 1942 г. начальник отдела агитации и пропаганды 53 армии дал следующую характеристику на С. И. Веремея:

«По личному желанию в апреле 1942 года переведен с командной должности на политработу в качестве агитатора полка. Как способный агитатор выдвинут на работу в политотдел армии. Умело строил свои агитационные выступления, учитывая

**Рис. 4. С. И. Веремей на фронте [1944 г.]
 Fig. 4. S. I. Veremey at the war front [1944]**

**Рис. 5. С. И. Веремей на фронте [1944 г.]
 Fig. 5. S. I. Veremey at the war front [1944]**

конкретную обстановку и настроения масс, перед которыми выступает. Своими выступлениями поднимает боевой дух бойцов и командиров. Умело беседует с ними, очень быстро устанавливает контакты, проникая в их души. Среди товарищей по работе пользуется авторитетом. Систематически работает над повышением своего идейно-политического уровня. Дисциплинирован. В выполнении заданий исключительно точен. В боях проявил себя мужественным и преданным политработником» [7, л. 16].

Добавим, что в ходе участия в боях в апреле 1942 г. наш герой был ранен, а в августе 1942 г. — контужен [7, л. 11 об.].

Наш герой был разносторонней личностью. Он был разносторонне развитым интеллектуалом, при этом имел прекрасную физическую подготовку. На фронте он выглядел брутально, носил бороду, что было нетипично для офицеров РККА (рис. 4–5 [16–17]). О мужестве и героизме С. И. Веремея свидетельствуют боевые ордена. Он был награжден: 29 августа 1943 г. орденом Красного Знамени — за боевые отличия; 21 июня 1944 г. — орденом Отечественной войны I степени — за боевые отличия; 12 октября 1945 г. — орденом Отечественной войны II степени — за боевые отличия [2, л. 2 об.].

Вклад советских политработников в победу трудно переоценить. Их задача состояла в том, чтобы достучаться до сердца каждого военнослужащего так, чтобы коллективная задача становилось глубоко личной. Поэт-фронтовик Борис Слуцкий, основываясь на личном опыте, описал специфику труда политработника на фронте в следующих строках⁴:

«Я говорил от имени России,
Её уполномочен правотой,
Её приказов формулы простые
Я разъяснял с достойной прямоотой.
Я был политработником. Три года:
Сорок второй и два ещё потом,
Политработа — трудная работа.
Работали её таким путём:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад в бою,
Перед голодными,
перед холодными.
Голодный и холодный.
Так! Стою.
Им хлеб не выдан,
им патрон не додан,
Который день поспать им не дают.
Но я напоминаю им про Родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.
Всё то, что в письмах им писали из дому,
Всё то, что в песнях с их душой слилось,
Всё это снова, заново и сызнова
Высоким словом — Родина — звалось...».

Именно такой работой на фронте занимался наш герой. Для иллюстрации специфики участия С. И. Веремея в боях приведем наградной лист на его первый боевой орден Красного Знамени. Интересно, что первоначально представление делалось на орден Красной Звезды; затем чернилами рукой заместителя политотдела 53 армии полковника Чванкина было переправлено на медаль «За отвагу»; но затем, красным карандашом рукою члена военного совета фронта генерал-майора Деревянко было написано, что Веремей достоин правительственной награды ордена Красного Знамени. В документе было дано следующее описание личного боевого подвига, заслуг награжденного:

«Тов. ВЕРЕМЕЙ за время пребывания на фронте Отечественной войны с мая 1942 г. 13 раз участвовал в боевых операциях в качестве зам. командира стр. батальона по строевой части, агитатора полка и агитатора политотдела армии. Как армейский агитатор всю свою работу направлял на повышение морального духа бойцов и командиров и сочетал ее с проявлением личной смелости и отваги. В боях по ликвидации Демянского плацдарма выполнял ответственные поручения Военного Совета и политотдела армии. Действуя в составе 1 батальона 371 сп 53 гсд, проявил умение подготовить и организовать прорыв вражеской обороны. В марте 1943 г. в бою под деревней Прилучье в критический

момент боя своей находчивостью и распределительностью в организации подвоза боеприпасов к огневым позициям обеспечил успешное взаимодействие артиллерии с пехотой. В боях на Белгородском направлении самоотверженно выполнял задания Военного Совета и политотдела армии по материальному обеспечению боевых действий. В течение 10 дней лично участвовал в бою» [18, л. 96–96 об.].

Кроме боевых орденов, наш герой был награжден медалями «За взятие Будапешта» и «За победу над Японией». Они были получены за участие в боях. Также Сергей Иванович был награжден медалью «За победу над Германией 1941–1945 гг.».

Помимо боевых наград, наш герой за годы войны имел 18 благодарностей «а отличные боевые действия», занесенных в личное дело: при взятии Белгорода 5 августа 1943 г.; Харькова 23 августа 1943 г.; Полтавы 23 сентября 1943 г.; г. Шполы 3 февраля 1944 г.; при форсировании Днестра 26 марта 1944 г.; при вступлении в Бухарест 31 марта 1944 г.; при взятии г. Сегед 11 ноября 1944 г.; г. Эгер 30 ноября 1944 г.; при форсировании Дуная 9 декабря 1944 г.; при взятии Будапешта 13 февраля 1945 г.; г. Б-Штявница 7 марта 1945 г.; г. Комарно 30 марта 1945 г.; г. Нитра 31 августа (так в деле. Наверное, марта) 1945 г.; г. Трава 1 апреля 1945 г.; г. Малацки 5 апреля 1945 г.; г. Гадонин 13 апреля 1945 г.; г. Брио 26 апреля 1945 г.; за форсирование Большого Лингала в маньчжурских боях 23 августа 1945 г. [7, л. 3].

Прохождение службы в РККА, участие в боевых действиях изменили характер литературного творчества Сергея Ивановича, придав ему в итоге партийно-политическую направленность. Во время прохождения учебы на командных курсах в Новосибирске он задумал написать автобиографическое литературное произведение. С этой целью С. И. Веремей стал вести дневник. Однако в зависимости от фронтовых реалий, изменений воинских должностей и званий, изменявшихся служебные задачи и кругозор автора, названия и формат рукописи несколько раз менялись. Приведем их в хронологическом порядке в соответствии с заголовками в рукописи:

1. «Литературные записки старшего лейтенанта» (январь–23 февраля 1942 г.);
2. «Записки старшего лейтенанта» (25 февраля–19 марта 1942 г.);
3. «Записки политического работника» (7 августа–сентябрь 1942 г.);
4. «Записки армейского агитатора» (20 ноября–14 декабря 1942 г.);
5. «Моя хрестоматия» (13 мая–10 сентября 1943 г.).

В итоге труд С. И. Веремея представляет собой 18 написанных от руки различных по формату тетрадей⁵. Он является уникальным историческим источником, сочетающим элементы литературного произведения, дневника и рабочей тетради фронтового политработника. Эта работа для нашего героя имела огромную ценность. В случае гибели он делал надписи с просьбой передать рукописи семье. Вот текст одной из них: «Еще несколько минут, и наши артиллеристы пошлют врагу «гостинец». Обстановка на передовой накалилась. Сейчас начнется бой. Иду на исходное положение. Приближается пекло... Прощайте!... Подберите сумку. Уважьте просьбу — передайте семье. СЗ.ХП.42. Веремей» [19].

Автор рукописи, изменив ее название в последний раз, описал значение для него лич-

но, объяснив смысл смены названий и уточнив последнее.

«Вспоминаю, как зародились «Записки». С первых дней войны я в памяти вынашивал впечатления. Потом пошел в армию. На курсы. Писал понемножку в окружную газету. Накопились вырезки. Потом попал в часть. Перед отъездом на фронт 1 февраля прошлого года завел тетрадь. Вот она лежит передо мной. Решил вести дневник. По несколько дней ничего не записывал. Иногда подумывал, что ничего не выйдет, не выдержу. Потом незаметно стал привыкать к записям. Заглядывал в старые страницы. Начал испытывать интерес, который с каждой новой записью рос. Оказавшись на фронте, я, находясь в самых трудных условиях, делал записи. «Записи» становились моей драгоценностью, которую я бережно нес через опасные преграды. Когда решался вопрос жизни, я думал, как спасти «Записи». С ними я был дважды под бомбежкой, в наступлении, в боях; с ними я не расставался даже тогда, когда был засыпан землей при разрыве снаряда. Плыв однажды по Селигеру на пароходе, когда на наш караван напал вражеский бомбардировщик, я думал о том, как, держа в зубах сумку с «Записями», я буду выплывать на берег.

Теперь в «Записях» я нахожу все, что мне нужно для политработы. В них собрано много ценного для меня материала.

Я задумался над тем, как назвать свои «Записки». Может быть, «Фронтовым дневником»? Нелзя, они перестали быть дневником. Все, что имеется в записях, очень похоже на своеобразную хрестоматию.

Слово «Хрестоматия» — греческое слово, состоит из двух слов: *chrestos* — хороший и *manthano* — изучаю. Хрестоматия — сборник отрывков произведений лучших писателей или образцовых литературных или научных сочинений, предназначенных для учебных целей. Я, конечно, не причисляю себя к числу писателей, тем более лучших, никаких образцовых произведений в «Записях» я не написал. Но то, что я записывал как участник Великой Отечественной войны, мне кажется, самым лучшим из всего того, что я вообще мог записать. Поэтому с сегодняшнего дня свои записи называю «Моя хрестоматия» — (записки участника В.О.В.)» [20, л. 18–19 об.].

Хрестоматия С. И. Веремея приобрела известность в масштабах РККА, так как была актуальна для проведения мероприятий партийно-политической работы в условиях боевых действий. Об этом свидетельствует статья полковника М. Севрюкова «Хрестоматия агитатора Веремея» (Из блокнота агитатора Красной Армии № 23–43 г. ГПУКА. Воениздат НКО СССР. Москва — надпись, сделанная чернилами на типографском экземпляре), которая сохранилась в личном деле офицера. Приведем основную часть ее текста:

«Многие агитаторы жалуются на отсутствие подробного материала для проведения бесед. Эта нужда поправима. Вот как вышел из этого затруднения агитатор политотдела Н-ской армии майор тов. Веремей.

С первых дней войны тов. Веремей начал записывать, пользуясь всеми доступными в условиях фронта источниками, поговорки пословицы, частушки, фронтовой фольклор, изречения великих предков, высказывания русских писателей, поучения полководцев, указания вождей нашей партии и правительства. Тов. Веремей записывал также

исторические справки, заметки по истории нашей армии, краткие биографии героев Отечественной войны, факты мужества и героизма бойцов и офицеров.

Из газет переписывались яркие заметки о дисциплине, об овладении оружием, о чести воина Красной Армии, о боевых традициях, факты о зверствах немцев. Тов. Веремей не проходил и мимо интересных отрывков из художественной литературы. В результате у тов. Веремея накопилось много самого разнообразного материала, которым он теперь и пользуется в своей работе. Свои заметки тов. Веремей назвал «Моя хрестоматия».

«Моя хрестоматия» приобрела большую популярность. По возвращении агитаторов политотдела из частей устраивается громкая читка нового материала, занесенного в «Мою хрестоматию». Товарищи майора Веремея нередко черпают из «Хрестоматии» материал при подготовке к беседам и докладам. Понадобились лозунги и изречения об агитации. На помощь пришла «Моя хрестоматия». Один из политработников получил задание написать статью об охране жизни офицера в бою. В статье нужно было привести несколько примеров из жизни частей своей армии. В «Моей хрестоматии» такие примеры отыскивались. К слету лучших бойцов нерусской национальности Военному совету армии потребовались факты о боевом содружестве бойцов различных национальностей. В «Моей хрестоматии» нашелся и такой материал» [7, л. 21–21 об.].

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны Сергей Иванович показал себя достойным офицером — политработником, творчески, нешаблонно относившимся к служебным обязанностям и умевший достучаться до сердца каждого военнослужащего; его героический ратный труд Родина заслуженно отметила боевыми орденами, медалями и благодарностями.

Вместе с тем в последние месяцы войны работа Сергея Ивановича над своими материалами в глазах начальства потеряла былую актуальность, мешала службе и стала раздражающим фактором. Это нашло отражение в служебных характеристиках политработника. Так, начальник политотдела 53 армии генерал-майор Мартынов 13 июня 1945 г. писал о нашем герое следующее:

«Майор ВЕРЕМЕЙ работает в должности агитатора ПОАРМа 53 с сентября 1942 г. Способный, в военном и политическом отношении грамотный офицер. Владеет пером. Прочел много популярных докладов и бесед среди рядового, сержантского и офицерского состава. В 1942 г., 1943 г. и в начале 1944 г., чем способствовал выполнению боевых задач. Знает материальную часть стрелкового оружия. Опытный физкультурник.

Наряду с перечисленным, майор Веремей имеет существенные недостатки. Во время боевых действий, особенно за последний год, он больше думал о том, что ему лично понадобится в послевоенной обстановке, а не о том, что нужно сделать в тот или иной конкретный момент для скорейшего выполнения поставленной боевой задачи. Главное внимание майор Веремей уделял собиранию, составлению и отправке домой всяческих материалов для издания после войны личных рукописей.

За последний год майор Веремей получал неоднократные замечания от Начальника Политотдела армии за нерадивое отношение к выполнению его приказов.

Потребовалось немало положить усилий, чтобы заставить майора Веремея писать историю армии, работать над которой ему было поручено давно.

Общий вывод: у майора Веремея не хватает партийности. Очень часто личные интересы преобладают над общественными.

По уровню подготовки должности вполне соответствует. При постоянном воздействии на него работать может хорошо.

Майор Веремей достоин оставления в кадрах РККА на той же должности» [18, л. 23–23 об.].

В данной характеристике обращают на себя три момента. Во-первых, профессионализм и полезность нашего героя для Вооруженных сил не ставятся под сомнение. Во-вторых, очевидность ценности для него рукописей, которые в итоге вместе с другими материалами окажутся в Омске и станут основой ценнейшего личного фонда Исторического архива Омской области (за это Веремею веками будут благодарны историки). В-третьих, предвзятость командования, о которой свидетельствуют многочисленные благодарности за участие в боевых действиях в последние месяцы войны, объявленные Сергею Ивановичу и занесенные в его личное дело офицера. Дополнительно об отсутствии каких-либо серьезных упущений по службе со стороны Сергея Ивановича свидетельствует награждение его орденом Красной Звезды Указом Президиума Верховного Совета СССР «за долголетнюю и безупречную службу в Красной Армии» от 6 ноября 1945 г. [21, л. 189].

Вскоре после Великой Победы над нацистской Германией и разгрома милитаристской Японии С. И. Веремей назначили в Иркутск на должность старшего инструктора политотдела Управления Восточно-Сибирского военного округа. И здесь на его службе и, соответственно, отношениях с начальством стала сказываться усталость от долгой разлуки с семьей. 10 января 1946 г. на имя начальника Политического управления Восточно-Сибирского округа Сергей Иванович подал рапорт следующего содержания:

«Прошу Вашего распоряжения и ходатайства о переводе меня на службу в Политическое управление Западно-Сибирского Военного Округа с последующим назначением в г. Омск. Причина следующая: семья моя состоит из 5 человек /жена, 3 дочери, мать/ проживает в Омске. Две дочери /Маргарита — 17 лет, Елена — 13 лет/ учатся там же, старшая /Людмила — 19 лет/ — в институте в Красноярске. Все на моем иждивении. Я в Иркутске. Таким образом, семья моя разбита на три точки. Мне очень трудно материально, иногда становится безвыходно. Я тяжело переживаю все это.

Мне необходимо серьезно улучшить положение семьи, самому быть вместе с ней, по-настоящему жить и трудиться, восстановить семью, нарушенную войной.

Твердо убежден, что срывать с учебы дочерей и терять удобную жилплощадь в Омске только из-за того, чтобы мне служить в Иркутске, нецелесообразно. Для пользы службы прошу удовлетворить мою просьбу».

Военное начальство не хотело считаться с личными интересами офицера, и на рапорте появилась резолюция «В ходатайстве отказать» [18, л. 27].

Судя по всему, в мирных условиях вдали от семьи, не услышанный начальством С. И. Веремей потерял интерес к службе. В результате к июню 1946 г. в глазах руководства Восточно-Сибирского

военного округа политработник утратил ценность. Показателем чего служили материалы аттестации, подготовленные начальником Политуправления Восточно-Сибирского военного округа и утвержденные командующим войсками округа. В них говорилось следующее:

«Майор Веремей к выполнению служебных обязанностей относится не совсем добросовестно. Инициативы в работе не проявляет. За порученным делом требуется постоянный контроль и проверка. В решении партийных вопросов не принципиален. Очень часто личные интересы преобладают над общественными. В военном и политическом отношении подготовлен. Идеологически выдержан, морально устойчив.

ВЫВОД: Тов. ВЕРЕМЕЙ как политработник особой ценности для Красной армии не представляет.

Считаю целесообразным УВОЛИТЬ его из кадров Красной армии в запас» [18, л. 30–30 об.].

Несмотря на сложные отношения с руководством округа, С. И. Веремей добросовестно выполнял свои обязанности, о чем свидетельствовало награждение его орденом Красного Знамени Указом Президиума Верховного Совета СССР «за долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах Союза ССР» от 5 ноября 1946 г. [21, л. 189]. Очевидно, что, если бы Сергей Иванович имел тогда существенные недостатки в служебной деятельности, данное награждение просто не состоялось бы.

Казалось бы, несмотря на несомненные заслуги, после такой аттестации военная карьера нашего героя должна была болезненно завершиться. Однако судьба оказалась к Сергею Ивановичу благосклонной. Он сумел перейти на преподавательскую должность в Омское авиаучилище летчиков, решив этим наконец проблему воссоединения с семьей и приобретя мотивацию к продолжению службы в Вооруженных силах. Важно подчеркнуть, что он вернулся в Омск не с пустыми руками. Последовав совету П. Л. Драверта собирать и хранить фронтовые реликвии и документы, Сергей Иванович в конце 1946 г. вернулся в Омск с двумя тяжелыми чемоданами, полными подшивками газет, листовками, фотографиями, толстыми тетрадами, заполненными в кратких перерывах между боями. С годами из этих записей, копики памяти, доставал удивительные истории. Не для пафосных выступлений перед аудиторией в праздники, а по случаю [10].

По возвращению в Омск Сергей Иванович сразу же влился в литературную жизнь города. Об этом свидетельствует афиша Омского литературного объединения при Областном Государственном издательстве (1947 г.) о проведении литературного вечера. В числе других литераторов было заявлено выступление Сергея Веремея с «Фронтовыми очерками» [22, л. 1].

В период прохождения службы в омском авиаучилище С. И. Веремеем был написан ряд брошюр⁶.

В течение нескольких лет карьера С. И. Веремея развивалась по восходящей от преподавателя к старшему преподавателю и исполняющему обязанности начальника социально-экономического цикла (СЭЦ). В училище, занимая подполковничью должность, он получил очередное воинское звание подполковника. О добросовестной службе Сергея Ивановича свидетельствует служебная характеристика с выдвижением его на полковничью должность начальника СЭЦ. В характеристике от 4 ноября 1949 г. в ходе аттестации, данной начальником

СЭЦ 7 января 1949 г., утвержденной замполитом и начальником училища, и говорилось:

«За аттестационный период проявил себя с положительной стороны. Лекции по истории ВКП(б) читает курсантам доходчиво и на высоком идейно-теоретическом уровне. Обладает большим опытом методической работы. Умело обучает и воспитывает курсантов...

За 1949 год разработал 12 лекций по истории ВКП(б). По индивидуальному плану подготовил из фронтовых записок темы: «Некоторые вопросы партийно-политической работы по обеспечению действий наземных войск в летнем наступлении 1943 года». Ведет большую работу по пропаганде идей марксизма-ленинизма среди солдат, сержантов, курсантов и офицеров. Читает курс истории ВКП(б) в дневном отделении школы партийного актива училища, является руководителем группы преподавательского состава по марксистско-ленинской подготовке. В октябре 1949 года итоговые занятия показали, что его группа усвоила пройденную программу.

Военные знания повышает в системе офицерской учебы хорошо. Дисциплинирован, требователен к себя и подчиненным. Пользуется заслуженным авторитетом среди личного состава. Идеологически выдержан, морально устойчив, физически здоров ...

ВЫВОД: ДОЛЖНОСТИ СТАРШЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СЭЦ ВПОЛНЕ СООТВЕТСТВУЕТ. ДОСТОИН ВЫДВИЖЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА СЭЦ» [7, л. 44].

В училище Сергей Иванович продолжал активно заниматься спортом и пропагандировать это. Признанием его спортивных заслуг стало его участие в первом параде физкультурников в Москве в 1950 г. [10]. В этот период наш герой пытался систематизировать свои фронтовые материалы и подготовить кандидатскую диссертацию, посвятив ее «опыту партийно-политической работы в Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны» [7, л. 37]. Отметим, что из-за отсутствия высшего образования Сергей Иванович не мог претендовать на получение ученой степени. Но какое-то время руководство училища не знало этого важного для нахождения на преподавательской должности нюанса его биографии.

До определенного момента вышестоящее командование поддерживало выдвижение нашего героя на вышестоящую должность, о чем свидетельствует чрезвычайно комплементарное представление от 29 декабря 1951 г. Командующего ВВС ЗапСибВО на имя Главкома ВВС СССР с просьбой назначить С. И. Веремея Начальником социально-экономического цикла Омского военно-авиационного училища [7, л. 45–46]. Однако назначение не состоялось из-за служебной проверки анкетных данных, которая, возможно, была вызвана кляздой недоброжелателей. В ходе нее удалось уличить Сергея Ивановича в том, что он не имеет высшего образования. Кроме того, его постоянные подработки, раздражавшие завистников и до этого официально не вызывавшие претензий, теперь стали рассматриваться как негативная характеристика. В итоге повышение не состоялось и отношения с руководством училища были испорчены. Поэтому С. И. Веремей стал характеризоваться начальством негативно.

В ходе аттестации в декабре 1952 г. было решено, что он «должности старшего преподавателя соответствует». При этом как недостаток было подчеркнуто, что он «проявил нечестность, неправдивость,

Рис. 6. С. И. Веремей в мундире с наградами [б.д.]

Fig. 6. S. I. Veremey in uniform with Awards [w.d.]

присвоив себе высшее образование, когда фактически такого нет». При этом заместитель начальника политотдела училища написал, что С. И. Веремей, «как старший преподаватель недостаточно внимания уделяет контролю за идейностью преподавания подчиненными преподавателями, не интересуется и не направляет их идейно-теоретический рост. Работая Врид Начальника СЭЦ, не проявил настойчивости и требовательности в создании лекционного фонда. Мало оказывает помощи другим циклам в повышении идейности преподавания. Проявил нечестность — присвоив себе высшее образование». Начальник училища также высказался нехорошо, отметив следующее: «Как преподаватель занимаемой должности соответствует. Как офицер имеет много отрицательных сторон, из которых главные — нечестность и мелочность в быту» [7, л. 47–48].

В общем, в таких условиях служить дальше в коллективе Омского авиаучилища летчиков было проблематично, и 7 мая 1953 г. Сергей Иванович, написав соответствующий рапорт, был уволен из кадров Советской армии в запас по ст. 59 п. «А» (по возрасту) с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах [7, л. 4–5 об.]. За пределами училища о проблемах, связанных с этим увольнением, широко известно не было.

Из знакомства с материалами личного дела офицера очевидно, что формальные наветы на С. И. Веремея были сведением личных счетов со стороны недоброжелателей. Все отрицательные характеристики появились после вскрытия информации об отсутствии высшего образования. До этого все характеристики служебной деятельности Сергея Ивановича в Омском авиаучилище летчиков были исключительно комплементарными, и он успешно продвигался по служебной лестнице. Честная, добросовестная служба нашего героя подтверждается не только повышениями по службе, но и высокими государственными наградами, которые при каких-либо серьезных служебных проблемах он просто не получил бы. Во время прохождения службы в Омском авиаучилище летчиков С. И. Веремей был награжден 22 февраля 1948 г.

юбилейной медалью «XXX лет Советской Армии и Флота» [7, л. 2 об.], а 3 ноября 1953 г., уже после увольнения из Вооруженных сил, — Указом Президиума Верховного Совета СССР «за выслугу лет в Советской Армии» подполковник С. И. Веремей был награжден орденом Ленина [23, л. 2]. Это была высокая и заслуженная награда. Она увенчала военную карьеру советского политработника. «Иконостас» его государственных наград вызывал заслуженное уважение окружающих (рис. 6 [24]).

Пенсия, работа корреспондентом и активная общественная деятельность

С мая 1953 г. начинается самый продолжительный и творческий этап жизни С. И. Веремея, когда он был заслуженно уважаемым в обществе человеком, не испытывавшим каких-либо проблем из-за прошлых жизненных обстоятельств. Наш герой был известным омским корреспондентом и пропагандистом физической культуры (возглавлял Областную федерацию спортивной прессы), литератором, ветераном Великой Отечественной войны. В числе других к юбилею Великой Победы 6 апреля 1985 г. он был награжден орденом Отечественной войны I степени [25]. Именно этот этап стал решающим для формирования исторической памяти о Сергее Ивановиче на омской земле.

Об этом этапе жизни С. И. Веремея можно найти информацию в сети Интернет. Интересный материал о ветеране размещен на сайте Следственного комитета России. Его подготовил правнук ветерана, заместитель руководителя управления по расследованию преступлений против государственной власти и в сфере экономики Главного следственного управления — руководитель третьего следственного отдела С. С. Щербина. Потомок ветерана акцентировал внимание на том, что Сергей Иванович «в 1952–1957 гг. учился на историко-филологическом факультете Омского педагогического института. 20 лет руководил стрелковой секцией клуба имени Гайдара. Будучи внештатным корреспондентом «Омской правды», много писал о спорте, истории, природе и животном мире Среднего Прииртышья. Более 60 лет отдал профессии журналиста. Сергей Иванович Веремей внес заметный вклад в омское краеведение (автор около десятка книг и многочисленных статей). В Омском центре документации новейшей истории хранится его личный фонд» [24].

Главными делами Сергея Ивановича после увольнения с воинской службы стала литературная деятельность и общественная работа. Об этом в материале о нашем герое омский информационный ресурс рассказал читателям следующее: «Мечтал ли о литературе? Сергей Иванович писал и издавал небольшие брошюры по омской истории. Но и жизнь его, и образ мыслей были строги для того, чтобы влиться в тогдашнюю богемную писательскую среду. Он всю жизнь писал документалистику — заметки о спорте. Преимущественно небольшие — в 10–14 строк. С легкой руки Виктора Чекмарева их называли веремейками. Лаконичные отчеты о событиях, написанные каллиграфическим почерком, сдавались в редакцию и появлялись на страницах газеты ежедневно. Никто не придавал им особого значения, их не обсуждали на летучках — обычный черный хлеб журналистики. А потом оказалось, что без этих скромных «веремеек» невозможно было бы воссоздать летопись омского спорта, они были ее кирпичиками, а других — нет... Веремей был учителем всех, кто писал тогда о спорте. Корреспон-

Рис. 7. С. И. Веремей в гостях у пионеров. 1980 г.
Fig. 7. S. I. Veremey visits the pioneers. 1980

Рис. 8. С. И. Веремей проводит занятие в дворовом тире. Май, 1979 г.
Fig. 8. S. I. Veremey leads a course in the courtyard shooting center. May, 1979

дент «Омской правды» Эрнест Чернышев вспоминал: «Дежурили в редакции по ночам. И, бывало, не подписывали газету, задерживали ее выход, ожидая результаты матча, которые должен был передать по телефону Сергей Иванович Веремей. А ведь он был внештатником. Но никто не сомневался в том, что этот человек газету не подведет. Такое у него было чувство ответственности» [10].

Любовь к спорту Сергей Иванович старался привить подрастающему поколению. Он создал стрелковый тир «Гайдар» в подвале «Голубого огонька» и вел занятия. Выдавал юным стрелкам свидетельства, а за победы на соревнованиях — памятные медали, на которых заказывал гравировку. Мог

приехать к юному чемпиону в детсад или школу и торжественно вручить награду своему подопечному при сверстниках и педагогах [10]. Сохранились фотографии, наглядно иллюстрирующие работу нашего героя с подрастающим поколением (рис. 7–8 [26–27]). Трогательны воспоминания о встречах С. И. Веремея со школьниками на патриотических мероприятиях, «когда звали в школы как ветерана Великой Отечественной, никогда не отказывался. Только спрашивал: «Сколько детей в классе?» И приносил конфетки по числу детей, чтобы не только побеседовать с ребятами, но и угостить» [10]. В таком отношении проявлялся и профессионализм политработника, умевшего найти подход к сердцу каждого, расположив слушателей к себе.

Еще одной гранью личности С. И. Веремея была любовь к природе. В преклонные годы почти каждый вечер ходил в Птичью гавань, рассказывал коллегам: еще три утки улетели, появился лебедь. Результатом наблюдений была постоянная рубрика в «Омской правде» — «Времена года» — и паломничество омичей с семьями в Птичью гавань. И дома он кормил птиц. Когда Сергея Ивановича не стало, они еще несколько дней прилетали к его окну [10]. Скончался наш герой в Омске 29 ноября 1991 г. Похоронен на Старо-Северном кладбище [24].

Заключение

«Лакированный» образ Веремея, созданный в омской краеведческой литературе, только частично отражает жизнь этого неординарного человека, протекавшую в условиях социальных катаклизмов. С неудобными для советского общества фактами биографии наш герой сумел успешно социализироваться, став активным пропагандистом коммунистической идеологии. Политическая активность в поддержку правящей партии позволила ему прожить долгую и интересную жизнь.

Сергей Иванович Веремей достойно прошел непростой жизненный путь, стойко и разумно пережив наветы недоброжелателей и завистников. Он вошел в историю Отечества как солдат правопорядка и боевой офицер-фронтовик. И этого уже достаточно для того, чтобы его личность была интересна историкам.

Политработник Веремей был неординарен. Он понимал значимость сохранения исторической памяти, что, к сожалению, тогда было нетипично для большинства фронтовиков. Сергей Иванович оставил фронтовой дневник, собрал и сохранил для потомков ценнейшие материалы о Великой Отечественной войне, которые составляют сегодня важнейшую часть архивного фонда Исторического архива Омской области и активно используются историками и архивистами для изучения военной истории и сохранения памяти о Великой Победе.

Многогранность личности Сергея Ивановича проявилась и в его значительном вкладе в развитие физкультурного движения не только в Омске, но и в Сибири. Почти за 60 лет работы в главной областной газете «Омская правда», а также написанием брошюр, он оставил глубокий вклад в спортивной журналистике и омском краеведении. Самое же главное, что наш герой оставил глубокий след в сердцах людей!

Примечания

¹ Веремей С. И. Шестиногие вредители: общие замечания о вредных насекомых: меры борьбы с ними и краткое руко-

водство к собиранию энтомологических коллекций. Омск, 1930. 34 с.; Веремей С. И. Возникновение уголовного расследования. Омск, 1931. 31 с.; Веремей С. И. За ударные Советы: записки уполномоченного: (опыт участия в кампании по пере-выборам Горсовета 1930–31 гг.). Омск, 1932. 49 с.

² Предположительно O[бластной]. ком[итет]. физк[ультуры].

³ См. подр.: Сергей Довлатов «Зона. Записки надзирателя».

⁴ Слуцкий Б. Я говорил от имени России... URL: <https://rustih.ru/boris-sluckij-ya-govoril-ot-imeni-rossii/> (дата обращения: 21.04.2025).

⁵ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 17–34.

⁶ Веремей С. И. Дорога к сердцу: из записной книжки армейского агитатора. Омск, 1949. 45 с.; Веремей С. И. Мастер танковых атак Владимир Терентьев: Из фронтового репортажа. Омск, 1949. 24 с.; Веремей С. И. Первые шаги рабочего движения в Омске: (по рассказам старых рабочих). Омск, 1951. 32 с.

Список источников / References

- Штырбул А. В. Война глазами политрука // Архивный вестник. Омск. 2000. № 8. С. 161–165.
Shtyrbul A. V. Voyna glazami politruka [War through the eyes of a political instructor]. *Arkhivnyy Vestnik*. Omsk. 2000. No. 8. P. 161–165. (In Russ.).
- Шевелева Л. В. Личный фонд С. И. Веремея, участника Великой Отечественной войны // Катанаевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Издат. дом «Наука», 2003. С. 44–45.
Sheveleva L. V. Lichnyy fond S. I. Veremeya, uchastnika Velikoy Otechestvennoy voyny [Personal fund of S. I. Veremey, participant of the Great Patriotic War]. *Katanayevskiy Chteniya*. Omsk, 2003. P. 44–45. (In Russ.).
- Штырбул А. В. С. И. Веремей. Политработник. Журналист. Защитник Родины // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V Науч.-практ. конф. В 2 т. Тара, Омская обл.: Изд-во А. А. Аскаленко, 2010. Т. 1. С. 185–187. EDN: QPSTZB.
Shtyrbul A. V. S. I. Veremey. Politrabotnik. Zhurnalist. ZashchitnikRodiny [S. I. Veremey. Political worker. Journalist. Defender of the Motherland]. *Aktual'nyye Voprosy Istoriko-Kul'turnogo i Prirodnogo Naslediya Tarskogo Priirtysh'ya*. In 2 vols. Tara, Omsk region, 2010. Vol. 1. P. 185–187. EDN: QPSTZB. (In Russ.).
- Тодер Б. З. Человек и время. Сергей Иванович Веремей // Время и люди: очерки истории омского спорта. Омск: Изд-во КАН, 2020. С. 120–121.
Toder B. Z. Chelovek i vremya. Sergey Ivanovich Veremey [Man and time. Sergei Ivanovich Veremey]. *Vremya i lyudi: ocherki istorii omskogo sporta*. *Time and People: Essays on the History of Omsk Sports*. Omsk, 2020. P. 120–121. (In Russ.).
- Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 4. С. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. EDN: IMZVOF.
Petin D. I. Mify v lokal'noy istorii: obzorrabotykruglogostola v Omske [Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk]. *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal. Siberian Journal of Anthropology*. 2020. No. 4. P. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. EDN: IMZVOF. (In Russ.).
- Исторический архив Омской области (ИАОО). П-14. Оп. 7. Д. 1020.
Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical archive of Omsk Region (HAOR)]. File: P-14/7/1020. (In Russ.).
- Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Картотека личных дел. Коробка В-712. Д. 1715855.

Tsentrāl'nyy arkhiv Ministerstva oborony (TSAMO) [Central Archives of the Ministry of Defense (CAMD)]. Kartoteka lichnykh del. Korobka V-712. D. 1715855. (In Russ.).

8. ИАОО. Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 1.

IAOO [HAOR]. File: P-9699/1/1. (In Russ.).

9. Шабельникова Н. А. Деятельность органов НКВД по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке в 1922–1930 гг. Москва: Проспект, 2024. 384 с.

Shabelnikova N. A. Deyatel'nost' organov NKVD po bor'be s prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke v 1922–1930 gg. [Activities of the NKVD bodies to control crime in the Far East in 1922–1930]. Moscow, 2024. 384 p. (In Russ.).

10. Ради нескольких строчек в газете. URL: http://omskregion.info/news/44673-radi_neskolnix_strochek_v_gazete/ (дата обращения: 21.03.2025).

Radi neskol'kikh strochek v gazete [For a few lines in the paper]. URL: http://omskregion.info/news/44673-radi_neskolnix_strochek_v_gazete/ (accessed: 21.03.2025).

11. ИАОО. П-19. Оп. 7. Д. 1044.

IAOO [HAOR]. File: P-19/7/1044. (In Russ.).

12. Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ). ОМК. 12164.21.

Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzey (OGIKM) [Omsk State Museum of History and Local Lore (OSMHL)]. OMK. 12164.21. (In Russ.).

13. ОГИКМ. ОМК. 12192.

OGIKM [OSMHL]. OMK. 12192. (In Russ.).

14. ОГИКМ. ОМК. 12196.

OGIKM [OSMHL]. OMK. 12196. (In Russ.).

15. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск: Кн. Изд-во, 2003. Т. 8. 408 с.

Zabveniuyu ne podlezhit. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Omskoy oblasti [Not subject to oblivion. Book of memory of victims of political repressions in Omsk region]. Omsk, 2003. Vol. 8. 408 p. (In Russ.).

16. ИАОО. Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 124.

IAOO [HAOR]. File: P-9699/1/124. (In Russ.).

17. ИАОО. Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 122.

IAOO [HAOR]. File: P-9699/1/122. (In Russ.).

18. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 516.

TSAMO [CAMD]. File: 33/686044/516. (In Russ.).

19. ИАОО. Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 26.

IAOO [HAOR]. File: P-9699/1/26. (In Russ.).

20. ИАОО. Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 28.

IAOO [HAOR]. File: P-9699/1/28. (In Russ.).

21. ЦАМО. Ф. 33-170461 сс. Оп. 45. Л. 189.

TSAMO [CAMD]. File: 33-170461 ss./45/189. (In Russ.).

22. ИАОО. Ф. П-9699. Оп. 1. Д. 119.

IAOO [HAOR]. File: P-9699/1/119. (In Russ.).

23. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 746915. Д. 5.

TSAMO [CAMD]. File: 33/746915/5. (In Russ.).

24. Веремей Сергей Иванович. URL: <https://sledcom.ru/Proekty/LP/FIO-578> (дата обращения: 21.03.2025).

Veremey Sergey Ivanovich [Veremey Sergey Ivanovich]. URL: <https://sledcom.ru/Proekty/LP/FIO-578> (accessed: 21.03.2025). (In Russ.).

25. ЦАМО. Юбилейная картотека награжденных. Шкаф 7. Ящик 6.

TSAMO [CAMD]. Yubileynaya kartoteka nagrazhdeniy [Anniversary card index of Awards]. Shkaf 7. Yashchik 6. (In Russ.).

26. ОГИКМ. ОМК. 12164.316.

OGIKM [OSMHL]. OMK. 12164.316. (In Russ.).

27. ОГИКМ. ОМК. 12164.339.

OGIKM [OSMHL]. OMK. 12164.339. (In Russ.).

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.

SPIN-код: 6496-4278

AuthorID (РИНЦ): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

SUSHKO Alexey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.

SPIN-code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.